

Русь Святая, храни веру православную,
в ней же тебе утверждение!

Православная Русь

СТАНЬТЕ БЛИЖЕ К БОГУ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Когда случилась трагедия на подводной лодке «Курск», я вам сказал: «Причина трагедии такова: видимо, кто-то из жен, провожая мужей в поход, проклял их!»

Жены эти, конечно, далеко отстоят от Бога. Им надоело ожидать, когда вернутся их мужья — они задумали разводы. И представьте чувства этих военных моряков — матроса, капитана, старшины — что ожидает их после похода?

Придешь домой из трудного похода — дверь закрыта. Потом тебя встретит злобное выражение, крик: зачем, мол, пришел, вот тебе бумага на развод, и прочие, и прочие удары жестокого женского сердца в сердце мужа. И он, находясь на службе, исполняя долг защиты Родины, думает эту свою тяжелую думу — и рука-то уже по-другому идет... Может быть, что-то не то нажали, не туда направили, а лодка-то и взорвалась...

И эта картина повторяется каждый раз, когда женщины отправляют нас, своих мужей, с проклятьем.

Это было и тогда, когда потонул теплоход «Нахимов», и когда ряд других катастроф имел место — много я имею свидетельств подобных трагедий...

Забываем мы о том, как сильно слово, сказанное в гневе, с желанием возмездия, чтобы человек был уничтожен: все по этому слову и совершается. Я вам уже не раз говорил, все время учу и напоминаю о том, что ваше женское слово — оно сразу до Бога доходит. Сразу! Хорошие, молитвенные слова — тоже, и особенно — молитвенные.

Но мы не чувствуем, не хотим понять, как Бог нам помогает за наши молитвы, особенно когда мы молимся в скорбях за детей, когда мы переносим их страдания...

Молитесь — Господь все вам воздаст. Пусть не сразу, но все получите, что вы хотите, к чему стремитесь, что ищете в жизни.

Так неужели нельзя остепениться, неужели нельзя удержать в себе раздражение? Ведь это человек любимый — вспомните, что вы все вышли замуж по любви, и вы любили друг друга. Но, как наступило время житейского недостатка — то квартиры не давали им нигде, то не платили зарплаты, то ряд других неурядиц возникал — так сразу: «Ты виноват!» А где-то пожалеть, утешить, приласкать, сказать: «Да ладно, все придет в свое время» — этого нет...

Я за вами много, почти 50 лет, смотрю и знаю, откуда идут корни этого зла — женского неверия и жестокости. Это происходит, когда женщина теряет веру, когда жена теряет любовь, которую надо сохранить, — любовь не плотскую, а одухотворенную! Да, величайшим подвигом в семье является забота — о муже, о детях, о доме.

И вы можете этот подвиг совершить — все это в ваших силах!

Сегодня мне сказали, что завтра снова придет сюда жена Багрянцева. Что стали немного подтягиваться к храму Божию и другие — уже около двадцати человек были еще где-то там на Севере, в

маленькой часовне, вместе с ними. Слава Богу, начинают понимать основное: что не надо жить со взглядом на эту пыль — на кажущееся житейское благополучие, важ-

но пограничнику, когда он приходит домой, нужно дать отдых основательный — и моральный, и духовный. Но на это надо иметь беспредельную любовь к мужу и к

но думать о своей семье. А в семье требуется вера — вера жены очень крепкая, подкрепляемая молитвою и надеждой на помощь Божию. Именно жена должна быть стержнем духовной жизни и теми часами, по которым живет семья. Это маятник жизни, определяющий ритм жизни семьи, — очень многое от него и зависит.

Но, к сожалению, выпархивает она за погонами — ах, какие они красивые, когда заканчивают морское училище: погонны блестят, рубахи белые, кортик сбоку, фуражка... — ух! Поневоле хочется броситься за таким. Но вот бросилась, и уже надо, засучив рукава, и посуду мыть, и всяким другим хозяйством заниматься, а там деткишки-ребятишки пошли. И начинается: а вот я не думала, что все так будет... И бросают на произвол судьбы мужей. Тут поневоле и запьешь — я по-мужицки говорю, — поневоле начнешь спотыкаться, ведь дома никто не ждет.

Но, чтобы жить нормально, надо понимать, что мужу военному, особен-

ного подвигу. Потому всегда и прославляются жены христианские, которые делят все невзгоды походной жизни своих мужей. Эти жены — то, что надо...

Но теперь вы, молодые мамы, чаще всего детей то, дочерей своих не готовите к тяжелой жизни. Спокойно отпускаете их в дискотеку в эту, да в платьице покороче, и в пятнадцать, даже в тринадцать лет — уже курит всю эту дочь, или — смотреть страшно — идет полупьяная. Ну что, ну куда она годится-то — бросить ее на улицу, а потом обижается, что в двадцать лет — уже «на пенсии»...

Ну, куда это? Но ведь они сами искали все это, сами к этому стремились, не слушая, не желая понять стариков — повидавших, прошедших, понимающих все грязное, трагическое прошлое время. Мы все видели. Потому и предупреждаем, говорим постоянно: «Ребята, ну не лезьте, не воруйте, не курите, не бросайтесь в эти компании...» Но все равно бросаются, а потом плачут, а потом обижаются, почему жизнь такая...

Есть великая сила — Бог всегда за вас, Бог вас хранит, защищает и будет защищать, только вы-то станьте ближе к Богу. Трудно? — Трудно! А утешение — в Боге, в молитве, в радости и благополучии.

Вот к чему я говорю вам о том, чтобы вы, христианки мои, прихожане, в твердости веры стояли. Вы должны иметь крепкую веру и демонстрировать беспредельную любовь. Но любовь не к улице, не зависть, что кто-то лучше одет, а любовь к вере, к молитве, страдающую.

Я вам не случайно напомнил трагедию «Курска» — слово жены исполнилось. Слово матери исполняется, и жены также, если она будет молиться. Если бы с 1943 года не молились моя мама и сестра, я бы здесь не стоял. Я практически ощущал приток силы Божьей по их молитвам: «Заступи и сохрани!»

Так и сегодня. Время очень трудное у нас, очень жестокое, очень циничное. Все нас расшатывают, все мешают идти к вере. Но это самое главное — верить, молиться, воспитывать детей — чтоб они знали школу, церковь, дом и мать! Трудно, да, трудно это, но нужно и по рукам давать. И вы их не балуйте. Не так себя ведут, не слушают вас — сажайте на хлеб, на воду. Это ничего. Не хотите? Заработайте сами. А не так чтобы: «Батя, получше нет ничего?»

Что есть — то и надевай. Не хочешь — иди, работай. Чтобы потом с вас время не спрашивали: «Почему так все получается?» Чтобы вам не тыкали: «Мать, ты виновата, что я такая выросла». А разве тебе не говорили?

И меньше внимания на мир — на мир окружающего соблазна и невежества. Это не наше. Наше вот — храм Божий, молитва. И Господь, поймите меня правильно, Господь все дарует нам — все, что надо для жизни, для радости, для утешения, и особенно по материнской молитве. Идти — твердо, но с Богом, с молитвою. Не слушая, не прося совета у друзей, у приятелей. И не бросая семью в поиске всевозможных развлечений. А то будет поздно, поздно плакать.

Вот чем мне хотелось бы с вами поделиться — своим предчувствием, ощущением, что зря наша лодка не погибла бы. Зря бы и Останкинская башня не сгорела. Это тоже для России урок — особенно для тех, кто там работает...

Помните, Бог везде с нами, и «ляпать» ничего не надо — в спину, в адрес своих близких, родных, особенно мужей. Трудно? Да, трудно всем. Но надо терпеливо переносить испытание, которое есть у каждого из нас. Все мы несем грех жизни, и только в вере отмаливаем его — молимся, просим, чтобы Господь даровал нам терпеливо все перенести.

Так держать и других научить — бестолковых, которые этого не понимают: «Как ты живешь?» — «Очень просто: верю, да и молюсь».

И не ругаю мужа. А детей — учу вере...» Аминь.

Протоиерей Василий Ермаков. Проповедь в храме прп. Серафима Саровского. Август 2000 года, после гибели «Курска»

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ ЯВЛЯЛ НАМ ПРИМЕР ЛЮБВИ

Владыка Митрофан, Епископ Североморский и Умбский

Об отце Василии я слышал и видел его, в то время, когда еще не был монахом и священником и не дерзал к нему подходить, общался с отцом Николаем. Я понимал, что мне с батюшкой Василием даже не повидаться из-за большого количества народа, который к нему приходит. Да и кто я, собственно, такой? Но потом, когда я уже послужил, когда я стал приезжать, состоявшись в какой-то мере как священник, отец Василий меня сам увидел и чрезвычайно тепло ко мне отнёсся. Мне было даже несколько неловко от такой любви, которая из него просто изливалась на меня, непонятно за какие заслуги. Он чрезвычайно радовался всегда, когда я приезжал, и общение с ним давало мне необыкновенное ощущение причастности к удивительному миру, миру старчества, духовничества, миру, в который можно было погрузиться, вдохнуть душой и напитаться мудростью. Даже не прямыми какими-то советами. Например, он скажет: «Делай раз, делай два», – и ты делаешь. Нет, просто побыв с ним, начинаешь испытывать полет духа и рваться в Горний Мир, еще здесь, на земле. Мне было даже неловко, но я воспринимал батюшку, как некую замену моему, ушедшему уже к тому времени, отцу, которого тоже звали Василий, капитану 1 ранга, подводнику, участнику войны. И я, конечно, скорбел и тосковал, что отец уже ушел, мне его не хватало. Отец Василий оказался для меня в определенном смысле той заменой,

которая меня очень утешила. Возможно, что он сам того не подозревая, исполнял эту функцию отцовства не только духовного, но и какого-то такого родственного.

Я чувствовал его особое отношение. Помню, стоило мне в алтаре появиться, он сразу начинал петь какую-то лихую морскую песню: «Кореша приходят с рейса, мы гуляем до утра». Он любил меня встречать такой песней, и это было очень умирительно и трогательно. Я это очень ценил.

Я – потомственный военный моряк. Мой прадед служил еще с Макаровым, совершил две кругосветки. Отец – моряк, и брат. Мы – офицеры, моряки и, поэтому, тема моря и тема Серафимовского кладбища, которое удивительным образом оказалось связано с морем, нашей болью и трагедиями моря, оказалась не случайной. И то, что отец Василий являлся образцом работы с военными, для меня, как архиерея по сути дела «епархии моря», епархии Северного флота, главного нашего флота, стратегического флота, было очень важно. Именно тогда я увидел его Ермаковский, совершенно удивительный порыв поддержать людей, которые избрали путь профессионального военного служения. Им он отзывался всем сердцем и давал образец того, как надо относиться к людям, которые подготовлены и готовы отдать свою жизнь. Это – особое служение, и надо к этому относиться по-особому, и по-особому их поддержать в служении профес-

сионального военного. Служба моряка, особенно подводника – очень тяжелая. Поэтому, наверное, батюшкино поведение, советы, общение с военными для укрепления их духа, их веры, отеческое желание объять всех, собрать вокруг себя, для меня являются образцом и мне помогают. Встреча с отцом Василием в моей жизни была не случайной, а чтобы посмотреть, как происходит работа с военными масштабно. И нынешнее мое служение по избранию Святейшего Патриарха, конечно же, взаимосвязано, я вижу, что это особый Божий промысел.

Встреча с батюшкой мне очень много дала. Во-первых, я соприкоснулся с людьми той эпохи, священниками времени тяжелейших гонений. Кто выдержал тот страшный период, кто не сломался, кто на своих плечах удержал Церковь. Для меня это был очень важный опыт. Одно дело, мы читаем абстрактно жития, к сожалению, печально однообразные. Протоколы допросов. «Расстрелян». «Прославлен». А другое дело – человек, который в течение долгих десятилетий нес эту страшную тяжесть борьбы с тоталитарным режимом и остался при этом светел, бодр, оптимистичен, не подавлен. Не стал духовным инвалидом, а, наоборот, стал воином Христовым. И нам батюшка являл этот свет Христовой веры в полной мере.

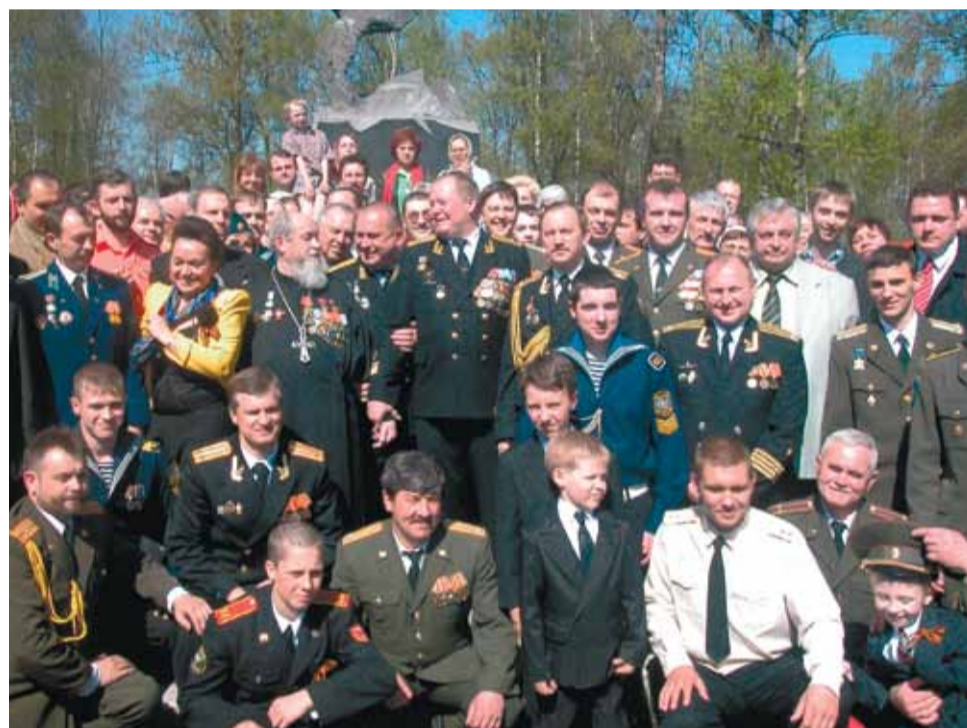
Для меня самое главное – опыт преемственности поколений, который являлся через него. Уже практически нет людей, они ушли, прошедших через это страшное испытание и дающих нам этот пример. Для меня это очень важно.

Не какие-то конкретные советы, вроде какого-то патерика, а именно его образ действий, его подход к жизни, к работе с военными, невероятная открытость и любовь, желание всех собрать и согреть – это уже может привести к Богу. То есть, яви пример любви, яви этот пример, будь сам примером и не надо будет слов, не надо агитации, она не понадобится. Отец Василий являл этот пример. И для меня он стал примером, я стараюсь следовать его наставлениям.

Я задаюсь мыслью и ищу ответ: человек, который избрал служение профессионального военного – это человек, который пребывает в состоянии готовности отдать жизнь, он ради этого живет. Когда-то поступит приказ и надо будет выполнить его, отдать долг Родине и, возможно, это будет моя жизнь, и вот

в этом разница между теми, кто живкет в спокойном гражданском мире и теми, кто стоит, как говорится, «под ружьем». Военный – это человек, который всегда имеет память смертную. И если у него нет этой памяти – это пустоцвет, это какой-то там паркетный офицер, который ловко делает карьеру. Настоящий военный – это тот, который рядом с мыслями о смерти, имеет страх Божий, который является первоосновой мудрости, как говорит псалмопевец «Начало премудрости – страх Господень». Вот этой мудрости достаточно много у военных, вот этой чести, патриотизма, которого нам сейчас не хватает. Если военный не патриот, кто из нас тогда патриот? Поэтому батюшка считал, что именно на военных опереться надо, их поддержать, они ведь брошены были, это были страшные времена.

Поэтому он нас отправил в надводный флот, чтобы мы учились, стали командирами кораблей. И вот эта его боль о друзьях, эти бесконечные трагедии и катастрофы, которые сопровождали развитие нашего флота, осталась во мне. Должен прямо сказать, я этот вопрос исследовал, ни один флот не претерпел столько аварий, таких тяжелых потерь, как русский. И поэтому я писал о «Курске». Моя книга «Неугасимая лампада» – это отблеск моего долга перед отцом, перед ребятами с «Курска», перед теми, кто положил свою жизнь, воплотил в жизнь то предназначение военного, ради чего он живет – отдал свою жизнь за Родину, за её боеготовность. «Курск» – это рубеж, безусловно, это предел, после которого все стало меняться. «Курск» оказался концом падения России в бездну, в которую её

Откуда, например, взялась трагедия «Курска»? Почему слово «офицер» стало ругательным, нельзя было военную форму одеть? Мы страшное время пережили, и отец Василий стал, как говорится, поперек этому времени, он положил предел этому беззаконию, открыто собирая людей, согревая их и возвеличивая достоинство офицеров. Этим он занимался всегда и до конца.

Он был человеком интересующимся, очень живым, его интересовал Север, ему были интересны рассказы, интересно всё, весь дух, где проходит служение, какие люди живут, о чем думают. Безусловно, это всегда было взаимное обогащение, и он щедро черпал из этих источников, от всех людей, которые приезжали к нему послужить. Он с ними активно общался.

«Курск» для меня – это особая тема в силу того, что во мне память отца-подводника. Нам с братом он запретил быть подводниками. Сказал: «Только в надводный, потому что я не выдержу уже. Столько моих друзей погибло, столько я прошел страшных событий, и если еще с моими сыновьями такое про-

столкнули в момент перестройки, когда все ценное, наше достоинство, наша история, наша гордость, все великие наши имена и события – все было растоптано, втоптано в грязь, осмеяно, охаяно. «Курск» положил этому предел, народ восстал. Я читал письма, которые слали со всей нашей России командующему флотом адмиралу Попову, он дал мне все эти все письма, все телеграммы, которые приходили, и мне стало понятно, что Россия жива, если пишут такие письма, значит, народ не допустит больше этого, народ восстает против этого. Во всех письмах было: «Мы не верим больше всем нашим журналистам, каналам телевизионным, которые так гнусно и с такой издевкой рассказывают об этой страшной трагедии, мы верим Вам, товарищ командующий». «Курск» положил предел нашему падению, через него не смогли переступить, как переступали через многое, что совершалось в нашей стране страшного, переступали и забывали, а здесь вот не смогли.

Поэтому, ребята с «Курска» явились той жертвой, которая была принесена во спасение России. И именно поэтому,

независимо от того какой национальности они были, крещенные и некрещенные, какого вероисповедания, они все поминаются в течение уже четырнадцати лет, поминаются поименно. Когда задавали вопрос нашему прежнему архиерею, Владыке Симону: «Почему? Как так можно помянуть неизвестно кого?», он ответил: «Они все крещены в этой воде своего мученического подвига». Все. Вопрос закрыт. Всех поминать. Осмысление трагедии Курска и возвращение к нашему подлинному духу самоотверженного служения России для многих явилось примером и протрезвлением. Флот чтит эту память и, конечно, мы каждый год отмечаем на Севере очень неформально этот день. И каждый год становится все более трогательным. В этом году, 12 августа мы объединили светские мероприятия и церковные. Прошли митинг и панихида, потом было прохождение экипажей торжественным маршем. Такие события помогают нам преодолеть разрыв. У нас одна страна и одна цель, и «Курск» даже через много лет помогает сплотиться.

По церковному преданию считается, что те, кто выполнили свой долг до смерти, (о чем говорит Иоанн Богослов «Нет выше той любви, как если кто положит жизнь за други своя»), те люди, которые выполнили свой долг, присягу, приказ, независимо от масштаба подвига, они – молитвенники, они Господом приняты, их подвиг принят, поэтому они являются покровителями флота, то есть флот обретает новых покровителей, флот этим живет и возрождается сейчас. Всему этому нас учил отец Василий.

Последняя моя встреча с батюшкой состоялась 9 мая, когда я приехал в Петербург. Когда добрался до Серафимовского храма, литургия уже закончилась. Отец Василий со всеми своими многочисленными духовными чадами, сопровождающими его, в том числе адмиралами, военными, ветеранами, двигался от храма к «Вечному Огню» служить панихиду. Я только входил на кладбище, и мы с ним увидели друг друга заранее. Он шел от храма, а я шел от ворот, и тут случилось, надо сказать, может кто-то пом-

нит, очень странное для меня, потрясающее действие, которое совершил отец Василий. Он вдруг взял и поклонился мне до земли, встав на колени. Я, естественно, тоже поклонился ему. Так мы поклонились друг другу, и что это означало тогда, почему он хотел меня так поприветствовать, я не знаю, для меня это и сейчас пока тайна. Вряд ли он кланялся тогда, как кланялся бы архиерею. Может, это было прощание, может, он понимал, что мы последний раз с ним видимся, или что-то другое он прозревал, это – тайна, открытая лишь Господу, хранящаяся в сокровищах духа. Так мы с ним попрощались. Так встретились – и так попрощались.

Отец Василий в моей памяти остался отцом, родным человеком, он для меня таким и был, так ко мне и относился с человеческой любовью. Это было самое ценное, что я получал от этого общения, он мне надолго заменил отца, я очень этим горжусь и благодарен ему за это. И мне кажется, что Вечера памяти, которые проходят каждый год, очень нужны. Встречи, духовное общение –

они крайне востребованы. Люди желают духовных разговоров, духовного единения. Очень важно собираться в такой знаменательный день и вспоминать отца Василия, который объединяет такое количество людей.

В маленьком Серафимовском храме был многотысячный приход, который действительно там окормлялся и напитывался, никто не уходил безутешным. Это было не формально, никого же не заставляли, люди приходили и стояли прижавшись друг к другу. Я помню эту картину, когда вой-

ти невозможно, стоят, буквально облепив стены, и это дорогого стоит, не часто такое увидишь, поэтому надо отдать долг памяти отцу Василию. Мы, его духовные дети, продолжаем его дело, мы продолжаем его служение. А для этого надо людей всех объединить. На вечерах памяти батюшки, наверное, самое место поговорить о наших традициях, о нашем достоинстве, о том, что нам дорого, о том, что мы не отдадим на поругание и вспомнить то, ради чего можно умереть и то, ради чего стоит жить.

КАТЯ, ВСПЛЫВАЕМ

Екатерина Дмитриевна Багрянцева

Это было в 1996 году. Мой муж учился в Военно-морской академии, и мы всей семьей жили в Санкт-Петербурге. Через родственницу мы случайно узнали об отце Василии, и, что самое удивительное, у нас с Володей возникло обоюдное желание встретиться с батюшкой, хотя мы впервые решились на такую встречу со священником. Ну, конечно, есть причины, по которым мы искали с ним встречи, у каждого они свои, личные, те о которых не всегда можно рассказать. Но, когда я услышала об отце Василии, знаете, бывает такое чувство, как будто щелкает что-то внутри, и ты понимаешь: «Вот это надо. Нужно идти». На уровне интуиции, на уровне сердечного ощущения. И вот мы с ним приехали. В те годы не каждый военный приходил в храм, а тем более в форме. Но Володя пришел в военной форме, он не стеснялся, у него не было внутреннего смущения, неловкости. Мы пошли всей семьей, с нами было двое детей Игорь и Дима. Это был конец января. Очень холодно, сильный мороз.

Батюшка мне сразу показался очень родным. Очень редкое качество – быть родным для чужого человека. У меня не было ассоциаций ни с моим папой, ни с моими родственниками. Я, когда его увидела – это не передать, сердцем почувствовала. Такие встречи происходят раз в жизни, когда сердцем понимаешь, это то, что тебе надо, то, что ты всю жизнь ждал, что ты искал и, наконец, обрел. И, кстати говоря, мой муж, человек очень серьезный и консервативных взглядов, я не могу

сказать, что бы он с легкостью общался с людьми, легко встречался с ними, беседовал. Он не так легко был доступен для контактов, но я очень была удивлена, что у него было тоже ощущение света, любви и взаимопонимания. Он увидел в отце Василии своего большого друга, не побоюсь так сказать, и, конечно же, отца. Многие мужчины, которые приходили к батюшке в таком возрасте, в силу каких-то обстоятельств не имея близких контактов со своими родственниками, обретали в батюшке очень близкого человека.

Батюшка рассказывал потом, каким он увидел в первый раз Володю: «Вошел русский человек с открытым лицом. Я его сразу почувствовал». И когда Володя уезжал на Север батюшка ему сказал: «Не волнуйся сын мой, я с тобой на земле, в воздухе и под водою».

Мы стали приезжать в храм, причащались, исповедовались, и Володя как-то сразу вошел в церковную жизнь. Я немножко попозже и не сразу. У меня была цель, чтобы муж туда пошел и дети. Я всегда больше думала о своих близких: «Ну, я-то успею, главное они, я-то тоже буду вместе с ними».

Когда произошла трагедия с «Курском», я с детьми была в Севастополе, и только через несколько дней мы прилетели в Видяево. Там выделили помещение под храм на первом этаже жилого дома, раньше там был магазин. Практически сразу после трагедии, к нам, по благословению митрополита Симона, приехали священники из Трифоно-Печенгского монастыря, привезли антиминс и начали служить литургию. Службы проходили каждый день, я хорошо помню, приехали все родственники. Очень было много пожилых родителей. Я почему-то запомнила одного пожилого отца, он был такой худощавый, невысокого роста. Когда служилась литургия, он все время стоял на коленях. Такого порыва единения веры и желаний, чтобы дети спаслись, я никогда не встречала. Это был август месяц, батюшка был в Болхове. Мне рассказывали, что когда он узнал о трагедии «Курска», то почувствовал, что Володя был на борту, духом, сердцем своим.

Еще хочу рассказать один момент, который показывает удивительную прозорливость батюшки. Володя уезжал на Север в июле, а мы оставались с детьми в Петербурге и пришли всей семьей к батюшке в домик. Батюшка подарил Володе книгу «Кровью убеленные» о новомучениках российских и сказал: «Эту книгу читай сам, никому её не давай» и пропел куплет из песни «Прощайте скалистые горы». После трагедии, когда около поселка Видяево устанавливали памятный камень, оркестр исполнил эту песню. Все люди рыдали, и я вспомнила в тот момент, что батюшка её пел моему Володе. Потом батюшка мне сказал, что чувствовал нависшую над семьей беду.

Было очень тяжело. В этом горе можно было утонуть, самой не справиться. Рядом дети Игорь, 11 лет и Дима, 18 лет. Но, благодаря батюшкиной молитве, необыкновенному доброму участию, любви, удивительному сопереживанию и вниманию, я оживала.

У батюшки никогда не было слова «я», у него было слово «мы». «Мы с тобой», «Мы вместе», «Мы вдвоем», «Двое – не один». – так любил он говорить. И от того, что человек не один, у него появляются силы дальше жить. Я помню, мы стоим в пономарке, батюшка мне говорит: «Катя, всплываем». Внимание и любовь лечат. Батюшка говорил: «Лечит человек сердцем. Надо лечить людей сердцем». В те первые, очень трудные годы, он мне сказал: «Я тебе помогаю духовно воспитывать твоих детей». Это была уникальная поддержка, удивительная совершенно. Я думаю, он многим людям так говорил, поддерживая их: «Я для тебя и отец, и мать, и брат. Всё то, что у тебя есть – это все я в одном лице» Для меня это очень важно.

Отец Василий говорил: «Я учу вас правильно жить». Он учил нас радоваться. Я думаю, каждому человеку нужно иметь радость в сердце. Если она есть, то какая бы беда не случилась, совершенно по-другому все воспринимается.

Когда близкие люди уходят, мы поминать их, ходим к могиле, приносим цветы, скорбим и можем утешиться, вспо-

миная самое хорошее, что было в жизни с ними. Батюшка говорил, что цветы, которые мы носим на могилы близким людям, надо дарить им при жизни. Что означает этот символ – цветы? Это любовь, это -- помощь, терпение, это – общее умение переживать какие-то совместные неурядицы в жизни. Это и есть цветы. Цветы любви. Это плод любви, он должен быть при жизни. Трудностей у каждого много, у многих нелегкие судьбы, но, когда люди вместе, конечно, все по-иному переживается. Когда муж и жена прожили много лет вместе душа в душу, они даже внешне становятся похожи.

Достаточно долго я находилась практически все время в домике на Серафимовском, это был дивный период жизни,

благодатный необыкновенно. Один из самых счастливых. Батюшка приезжал всегда рано утром. По воскресеньям в 6 утра. А у водителя, который возил батюшку, на машине фары были синеватого оттенка. И вот зима, холод, темно, мы стоим на крыльце, ждем, когда появится батюшка. И вдруг видим дальний свет фар, такой синеватый цвет, значит, едет батюшка. Мы его встречаем. Машина поворачивает и подъезжает к домику с тыльной стороны. Он проходит, благословляя, моментально оценивая все, видит каждого человека. Удивительно совершенно. Тогда не обращали внимания, это было, как данность. Прошло много лет, и когда теперь вспоминаешь, понимаешь, какой он был необыкновенный священник. Отец Василий приходил, поднимался по ступенькам, переодевался у себя в келье, шел в храм, читал входные молитвы и затем шел исповедовать. Исповедовал долго,

было очень много народа. Потом служил позднюю литургию, после пил чай, а потом служил молебен. Молебен был длинный, потому что записок было много. После этого он уходил в домик или оставался в пономарке, и начинали приходить люди. Батюшка был окружен невероятным количеством людей и если, предположим, шел из пономарки в домик, то его буквально пе-

но. Обедать его было не допроситься. Впервые, прийти и сказать: «Батюшка, пойдете обедать», было никак нельзя, потому что у него были люди, ему некогда, он с ними беседовал. Ведь для него главное было «отпустить народы» И до вечера он не ел. Мы уже потом говорили людям: «Вы попросите батюшку, чтобы он пошел покушал, потом вернется» И вот через людей: «Батюшка, Вы идите покушайте» Тогда батюшка вставал и шел в трапезную, где опять было много народу – его гостей. Он с каждым разговаривал, у каждого была своя тема, с каждым он говорил на том языке, который понимал человек. Ведь можно же говорить на одном языке и не понимать друг друга, а он понимал о чем говорит каждый, какую мысль хочет выразить.

Батюшка много знал, особенно любил историю России, смотрел новости, был в курсе всех событий, все отслеживал. У него была полнота текущих событий, дня, жизни. К отцу Василию приезжали удивительно интересные люди, он мог с ними долго разговаривать, ему было всё интересно. От него многие уходили с просветленными лицами. Я давала, по благословию батюшки им книги, газетные статьи, диски. У него был специальный запас. И все уходило от него с подарками, это было счастье – из его

рук получить что-то. Он даже, когда коробок конфет дарил человеку, смотрел название, что написано на коробке, выбирал по названию. «От всего сердца», например. Находил её, какую надо, и дарил тому человеку. Даже в мелочах у него все было продумано. У отца Василия не было ни одного лишнего слова, каждое слово было сказано со смыслом. Ничего лишнего. Батюшка

каждому говорил, то, что ему нужно. Человек запоминал фразу, но иногда не сразу понимал, к чему она сказана. Потом проходило время, и в нужный момент он вспоминал сказанные слова.

У батюшки были очень четкие благословения. Каждый человек у него был на своем месте. Это, наверное, как в оркестре – у каждого своя партия. Так и у нас – у каждого свое послушание. Батюшка всегда нам говорил: «требуется отточенное внимание». Смотрите, как я делаю, и делайте так же как я. Берите с меня пример, то есть, я живой пример того, как надо жить с Богом. Он всегда повторял, что прожил всю жизнь с Богом: с концлагеря, с оккупации, с войны.

Через него очень многие люди приходили к Богу. Отец Василий часто о себе рассказывал, но только в том значении, что он пережил и почему остался жив. Потому, что он крепко веровал в Бога. Это очень важно. И за ним люди шли, видя его горячую веру, они тоже начинали верить. Батюшка стал и для меня главным примером в жизни. И первым моим храмом стал храм на Серафимовском кладбище. Когда мы уезжали на Север, еще Володя был жив, я задумалась, стоя на крыльце батюшкиного домика: «Чего бы мне хотелось в жизни?» Пришла мысль, что хорошо бы работать в этом домике и жить недалеко от храма. И буквально через два месяца мы вернулись в Петербург. После гибели Володи нам дали квартиру, и я стала трудиться в домике.

Батюшка говорил: «Я служу Богу и людям. Я на это поставлен Богом». Помню, были случаи, батюшка не уходил, хотя должен был уезжать, но почему-то оставался в домике. И потом приходили люди без предварительной договоренности, он принимал их и уезжал, потому, что батюшка сердцем чувствовал, когда был кому-то нужен. Вся его жизнь была посвящена этому необыкновенному служению. Он обладал чувством меры, то есть чувствовал, что и сколько может понести человек, как с ним надо разговаривать, учить. У него к каждому был свой подход, свое «лекарство» Он говорил: «Врач же не будет всем давать одно лекарство, а каждому то, какое надо, какое требуется. Так и я знаю, кому что надо».

Без батюшки нам жить нелегко, но, Слава Богу, батюшка каждого учил, и каждый помнит, чему он научен. Пройдет время, и человек вспомнит то, что в него заложено. Отец Василий был удивительный священник, необыкновенно любвеобильный, у него была, действительно, настоящая любовь к людям. Я думаю, он каждого из нас научил любить, передал частичку своего большого сердца. Нам после его смерти было очень трудно, потому что мы осиротели, каждый потерял что-то самое дорогое.

Батюшка при жизни нас соединил как звенья в цепочку. Он говорил: «Делитесь друг с другом, потому что человек не может всё в себе носить». То есть, надо обязательно делиться, обязательно выговариваться. Но конечно, с близкими людьми. Отец Василий каждого из нас, своих духовных чад, благословил – он же знал, чувствовал, что уходит. И каждому, наверное, сказал напутственное слово. Но это хранится в сердце.

Когда мы собираемся 3 февраля на вечера памяти, возникает необыкновенное ощущение семьи. Полный зал народа, а ты смотришь – всё свое, родное. Люди тебе улыбаются, и чувствуешь радость.

В нашей семье со времени гибели «Курска» хранятся Володин натальный крест, в котором он погиб, один погон от его тужурки, который полтора года пролежал в воде, он весь покореженный и истлевший, и удивительная иконка «Владимирской иконы Божией Матери». Она находилась в кармане тужурки, был же пожар, а она чуть-чуть только по периметру потемнела. Эти все вещи нашли в его каюте. Мне позвонили, что нашли вещи Владимира Тихоновича, я приехала и получила их в пакете. Сразу поехала к батюшке, а он мне: «Ну, давай смотреть». Он тоже удивился, что иконка совершенно как новая, приложился к ней. Эти святыни мы храним дома с большим благоговением.

Мы всегда с большой любовью вспоминаем и храним в своем сердце слова и наставления дорогого батюшки. Правда не всегда получается жить, как он учил, но мы стараемся. Посмотришь на его фотографию и слышишь его голос: «Не падайте духом». Он помогает нам жить, радоваться и с оптимизмом смотреть в будущее.

«Ты приходи к нам, приходи»

Анатолий Николаевич Калганов, капитан первого ранга

Я прослужил почти тридцать лет на севере, двадцать шесть из них – на подводных лодках. Потом мы с семьей вернулись в Питер и оказались здесь, рядом с батюшкой и экипажем «Курска». Я ребят хоронил и периодически приходил «к ним» на Серафимовское кладбище. В то время, когда происходило захоронение, я батюшку еще не знал. Видел, извините, священник в рясе какой-то ходит, кадиллом размахивает, слова непонятные говорит. Я даже не знал, что там и церковь-то есть, не обращал внимания. А по-

том, уже спустя какое-то время, год-два, приезжает мой друг из Пскова, тоже подводник, и говорит: «Пошли, к ребятам сходим». Это было в 2005 году. Пришли, возложили цветы, помянули по морской традиции, стоим у могилы. А вот дальше что, я сам даже не могу вспомнить. Кажется, колокол зазвонил в церкви, вдруг меня как что-то толкнуло и позвало на этот звук. Храм. Заходим туда – стоит народ. А я стою у входа и не знаю, зачем пришел и что я вообще тут делаю. До этого один раз был в церкви случайно, в Киеве, да и

то, зашёл, посмотрел и ушёл сразу. А тут все стоят, ждут чего-то, и я жду. Думаю: «Что ж такое будет сейчас?» Вдруг выходит батюшка, народ стоит, все замерли. И он стоит, на всех смотрит. И вдруг, остановил на мне взгляд и, рассекая толпу, подошел. Опёрся локтем на меня и спрашивает: «А ты чего пришел сюда?» Я вольготно, с бравадой говорю: «А чего, нельзя, что ли?» Он спокойно говорит: «Да нет, можно. Просто ведь любопытно. Вроде уже немолодой человек. Почему раньше не заходил? За чём сейчас зашел?». А я говорю: «А я сам не

знаю. И вообще, я не сюда пришёл, я к друзьям пришёл, помянуть». «— Каким друзьям?». «— Да вот, здесь, недалеко от вас экипаж «Курска» похоронен наш». «— Да? А ты, что, знаешь их?». «— Да, служили со мной». Он говорит: «Интересно, интересно». Еще сильнее об меня оперся и опять давай спрашивать: «А где служили? А кто по званию?» Очень подробно расспрашивал, долго стояли с ним. Потом, позже я узнал, что он к Военному-морскому флоту по-особенному относился. С большим уважением. Поговорили. А он и говорит: «Ну, что ж. Ты приходи к нам. Приходи».

Ну, мы и зашли потом. Жена первый раз в жизни пришла в храм. В брюках, глаза-«звезды», крест золотой с бриллиантами, вся накрашенная и, вдруг, приходит к ней откуда-то салфетка. Она поняла — «вытереть губы». Никто ведь слова не сказал, не упрекнул, но салфетка была как послание — здесь заботятся о другой красоте, о красоте свой души.

Неожиданно для себя, мы с семьей стали ходить на службы каждые выходные. Вместо бравады, с которой пришел первый раз, появился какой-то трепет и новые, незнакомые ощущения чего-то хорошего в жизни. Войдем в дверь, встанем сзади и стоим, смотрим. Наблюдаем. Стоять тяжело. Но усталость проходила, а ощущение радости оставалось. С каждой службой и батюшкой иной проповедью убеждались, что мы на правильном пути. Год мы так проходили, а потом стали задумываться, что, вроде, мы к вере-то пришли. А раз стали православными, то надо причащаться. Я готовился к исповеди, три листа исписал, и первым пунктом написал: «Всю жизнь служил по Уставу КПСС, «Корабельному Уставу». И дальше пошло — с детских времен вспоминал всё, что совершил, какие катаклизмы в жизни были. Я подошел к отцу Василию и говорю: «Батюшка, я тут всё написал. Он благословил меня, так внимательно посмотрел и сказал: «Пходи еще». И жене сказал то же самое. Видно, года для нас было мало. Не допустил батюшка до причастия. Но на Крестовоздвижение в сентябре 2006 года первое причастие все же состоялось.

Я знаю, что многие не поймут, как мы, люди, которые никогда не заходили в церковь до момента встречи с батюшкой, пришли в храм и там остались. Я тогда был уверен, что рассчитывать можно только на себя, а еще — на ракету с ядерной боеголовкой. Ведь как мы жили? Без Бога, без Церкви. Время пришло — и нам такой подарок.

Кстати, после встречи с батюшкой я стал по-другому осмысливать то, что происходило в моей жизни. У меня мать была глубоко верующим человеком. Ведь в период службы всякое было: и взрыв водорода в отсеке, и «провал» лодки на предельную глубину, и пожар на корабле в подледном положении. И все обошлось. Я приезжал домой к родителям в Калининград. Отец спрашивал: «У тебя всё хорошо? А то мать чувствовала, что что-то случилось. Ты уходишь в море, а она каждое утро встает на колени перед иконой Богородицы и молится за тебя». Я снисходительно относился к этому, а вот после встречи с батюшкой стал задумываться: «Может, не просто всё так благополучно заканчивалось, это и есть помощь Божия по материнской молитве».

На сегодняшний день я всё время вспоминаю его слова: «Ты приходи к нам, приходи». Сколько было таких случаев, в выходные, в праздничные дни вставать не хочется в храм, лень или дела какие-то. Слышу батюшкин голос: «Ты приходи к нам, приходи». Встаешь — и идешь. И благодаря молитве батюшки мы устояли и не ушли. Как донести до людей то, что отец Василий изменил всю нашу жизнь, всё миро-

воззрение, все ощущения. А сам батюшка всегда с нами — и раньше и теперь. Мы помним, как батюшка говорил: «А я вас всех знаю. Я за всех вас молюсь», И мы точно знали, он молится и за нас. Появилась какая-то внутренняя защищенность. После того, как ушли родители, его отеческая забота охватила нас.

Однажды мы стояли в приделе и ждали причастия. Мы на раннюю всегда ходили. Я в то время сильно болел, и мне стало нехорошо. Пришлось присесть. Проходит какое-то время — появляется батюшка. Я уже встал, молюсь, и вдруг батюшка смотрит на меня и говорит: «Не трогайте его, я ему сам помогу. У меня руки подлиннее будут». Был другой случай, когда жена просила благословения на операцию. Простую — имплантацию зуба, но очень сильно боялась. Она подумала: «Не буду говорить, какая операция, стыдно, ведь ничего серьезного. Просто попрошу благословения». Около батюшки миллион людей, все расталкивают друг друга, и вдруг каким-то чудом отец Василий оказывается около жены, он же как — проходит через толпу и в конец идет, толпа его пропускает и закрывается. Он подходит к ней, она и говорит: «Батюшка, благословите на операцию». Батюшка взял ее за руку: «Стой здесь». Толпа его накрыла, она за ним. А какая-то прихожанка: «Стой тут, он же сказал стоять». Жена потом рассказывала: «Я как вкопанная встала на этом месте. Батюшка где-то в другом конце храма. Проходит какое-то время, вдруг вырастает передо мной батюшка, обнимает: «Ну что там у тебя?» Я

всё рассказала. И он меня благословил. Делают операцию, слышу, врач сокрушается: «Как в такой кости будет имплантат держаться? Как по маслу входит». А я-то уже точно знала, почему так всё легко. Другая бы расстроилась, что врач делает операцию и не уверен в результате. Проходит какое-то время, прихожу снимать швы. А она: «Невероятно. Даже шва нет». Рассказывать нельзя, люди не поймут. А хочется кричать, что такие чудеса реально случались по молитвам батюшки. Сейчас я понимаю, что не случайно мы оказались в Петербурге, в этот храм нас привел Бог. Нет ни одного воскресного дня, чтобы мы не были в храме, только когда мы уезжаем.

Вся наша жизнь идет по молитвам отца Василия. Был еще удивительный случай. К нашему великому огорчению, дочка наша вышла замуж за англичанина, и внук родился там — англичанин.

Крестить ребенка решили в Петербурге. Приехали, погостили у нас немного, и вдруг, чудесным образом, зять тоже решил принять православие. Мы крестили их в Казанской церкви в Вырице, и священник храма сказал, что на нас сбылось предсказание преподобного Серафима Вырицкого, что недалеко те времена, когда к нам англичане будут приезжать креститься. Вот они и приехали. Отец Василий очень любил преподобного Серафима, несколько раз был у него при жизни и присутствовал на его похоронах. Опять всё связано. На следующий день после крещения, отстояли они в нашем Серафимовском храме праздничную службу и причастились. А сейчас надеемся, может и это неслучайно. «Наши люди должны быть везде» — говорил батюшка.

Еще мы очень любили слушать его проповеди. Такие глубокие вещи он говорил. Бывало непонятные вначале. Что-то такое скажет, и думаешь: «А что он хотел сказать?» Проходит день, неделя, и доходит всё. Я понял, что каждое его слово нужно помнить и осмысливать потом. Ведь он как бы говорил всем, но каждый человек находил в батюшкиных словах что-то нужное для себя. И каждый, наверняка, не единожды возвращался к тому, что батюшка сказал и думал об этом. Я не смел,

а жена прислушивалась, что он говорит другим людям, и как он это говорит. Когда читали книгу об отце Василии, подумалось, что через каждое слово, которое там написано, видим дорогого батюшку, порой даже слышим его голос, как он это говорит, вспоминаем, чему он нас учил.

Очень жаль, что мы с ним мало пообщались, но Господь дал возможность встретиться, и эта встреча повернула нашу жизнь совсем по-другому. Так вот мы с ним дошли до его кончины. Конечно, это — утрата просто немыслимая. Страх и осознание, что батюшка ушел, тоже пришли не сразу. Сейчас мы ощущаем, что нам труднее стало, но, тем не менее, мы все равно понимаем, что батюшка всегда с нами. Иначе как жить? И сейчас я живу по его словам: «Ты приходи к нам, приходи». Встанешь утром, пойдешь в храм. Повидал наших батюшек, прихожан, ставших родными, пошел к отцу Василию на могилку, поклонился кресту, пообщался с ним, и вот уже настроение поднимается, силы духовные прибавляются. Мне кажется, даже сейчас не бывает ни одной минутки, когда у могилы батюшки нет хотя бы одного человека, и в праздники, и в будний день. Люди приходят со своими бедами, просьбами, вопросами, благословиться или поблагодарить отца Василия, поделиться радостью. Так и живем с батюшкой, ничего не изменилось. Сначала в храм, потом к нему. Как к живому. Казалось бы простые слова: «Ты приходи к нам, приходи». Мы и приходим.

Из истории

Юрий Павлович Стриганов, подполковник, инженер-строитель военно-морских баз, кандидат технических наук. Марина Иосифовна Стриганова, кандидат богословия

Юрий Павлович

Как-то батюшка меня спрашивает: «А у тебя форма сохранилась военная?» А я на Северном флоте служил. Я говорю: «Конечно, сохранилась, вот только, она, наверное, мне тесна». «Да, ничего, ты живот подбери. Нормально всё». Я спрашиваю: «А зачем?» А он: «На 9 мая надо, чтобы ты в форме пришел». И вот пришел я и еще один военный с с Каменки. Мы вдвоем с этим майором и с батюшкой были первооткрывателями торжественного крестного хода к Вечному Огню, еще креста тогда не было. Это было в 1996 году. Мы вдвоем рядом с батюшкой идем, два офицера — первые были. Все смотре-

ли, как на чокнутых. Там тогда на городских мероприятиях шли адмиралы, Герои Советского Союза. Всё торжественно. А тут — военные идут. Крест, хоругви несут. Военные с крестами. То есть, батюшка ломал этот лёд. Хотел всем показать, что русский человек должен быть православным, должен быть верующим. Военный человек тем более, потому что только с верой в Бога совершаются победы. Суворов чем побеждал? У него одинаковое время было на молитву, тренировку и победу. Столько времени должен военный отдавать молитве Богу и Вере.

Батюшка учил нас, что долг каждого православного христианина — быть

духовным воином, что человек не должен глеть, как головешка, должен гореть и факелом своим освещать путь остальным людям, и остальных должен зажигать. И тогда нас никто не сможет победить.

Марина:

Он часто говорил 9 мая на проповеди, «смотрите хронику, в ней русская женщина вынесла икону — провожает бойцов. Никто не перекрестился, никто не приложился». Батюшка очень острые проповеди всегда говорил в День Победы, его возмущали коммунистические выдумки о том, что на войне совершались кресные ходы, все крестились и молились.

Болховские зарисовки

Марина

Когда мы с батюшкой впервые были в Жабыни, монах Макарий со слезами рассказывал, что у них Введенский храм разрушается. Первая наша стройка в Болховских краях – это Жабынский Введенский храм. Батюшка сказал: «Вот, тебе тетенька поможет» и почему-то на меня кивнул. Мы такого большого ничего не сделали там, только склеили стены, чтобы окончательно не развалились, а приехали через несколько лет и увидели, как его красиво восстановили. Но начало по батюшкиному благословию положили. А это самое сложное.

А на следующий год была уже Троица. Мы с батюшкой пришли, он нам показал огромные трещины в стенах, и попросил помочь. Сначала трапезную стали делать, потом решили придел Параскевы Пятницы восстанавливать.

Юрий Павлович

Взяли помощников. Батюшка раз и идет. Внезапно. Посмотрит: «Ну, что?» Я говорю: «Здесь, батюшка, свод над алтарем делаем. Свод закрепим, сделаем, чтобы соединение было стен в единое целое. А там посмотрим, что с фундаментами». Мусора вывезли отсюда машин 20-30. Работы незаметные, но для здания новая жизнь. Процесс затянулся на 2 года. Ребятам-работникам посылал деньги отсюда, чтобы их поддерживать, отец Александр помогал, выпустили буклет. Два буклета – мешок цемента. Батюшка очень довольный был. По его молитвам всё и решалось. Потихоньку-помаленьку.

Марина

В Оптиной пустыни к батюшке все относились очень тепло. Мы были в скиту преподобного Амвросия. Отец Василий привез им печатную продукцию. Нам сразу преподобного открыли, все заходили, всех нас батюшка помазывал, а туда далеко не всегда можно войти. Отец Василий собрал в эту поездку болховских, он очень хотел, чтобы они приобщились к вере. Был целый автобус болховичей и несколько пиртцев с батюшкой. Вот так мы ездили. По-

том в роще остановились, накрыли трапезу. Болховские принесли свинушки солёные. Батюшка их очень любил. Сели потрапезничали, квасок, хлеб. Когда батюшки не стало, мы приезжали и болховичи нас также с любовью угощали и в дорогу дали ведро огурцов. Я выхожу и думаю: «Ну, вот, опять я выхожу от батюшки с полными сумками».

Марина

Последний раз, когда ездили в Шамордино, все вышли спускаться к источнику, а он мне говорит: «Маринка, ты пойдешь?», – и я поняла, что он хочет, чтобы я осталась. Я говорю: «Да нет, я же ходила». «– Ну, давай с тобой останемся, посидим». И мы остались, он просто устал. Уснул, и ему нужно было, чтобы кто-то был рядом, видимо. Батюшка спал, а я сидела рядом, молча, не беспокоила. Дорога его утомляла, но он не подавал виду, ради нас ездил.

Юрий Павлович

Батюшка говорит: «Давай устроим субботник, только не коммунистический». Вот мы облачились в синие одежды и полезли наверх, на чердак газеты разбирать. Я говорю: «Батюшка, да может их сжечь?» А он: «Нет, это история, мне все интересно увидеть, вспомнить, изучить».

Нашли там пасочницу старую, батюшка говорит: «Это матушкина» И подарил Марине.

Марина

Однажды в Великом посту батюшка говорит: «Вот кто приготовит мне пасху! Только без тараканов! Без тараканов!». Мне так неловко стало, думаю, батюшка знает даже, что я борюсь с тараканами у нашего мусоропровода. А мне девочки говорят: «Да батюшка тараканами изюм называет». Каждый год я с волнением готовила для батюшки кулич и пасху. И вот он дарит мне пасочницу, а я смотрю и думаю: «Все-таки, это – семейная реликвия Батюшки». Ну и отдала дочери батюшкиной, Ольге.

Юрий Павлович

Помню, в другой раз приезжали – подмонтировали у него во дворе дорожки и скамейку. Он так радовался. Я спрашиваю: «Батюшка, как скамейку делать? Я могу по-новому» А он: «Нет, сделай, как она была, с наклоном таким» Я так все и сделал. Он говорит: «Теперь все хорошо»

Юрий Павлович

До батюшки слух дошел, что отец Александр хочет купить домик рядом, который раньше принадлежал храму, а денег нет. Он меня подзывает: «Иди сюда». Достает из кармана деньги. Я спрашиваю:

- «А кому?»
- «Отцу Александру передашь».
- «А как я передам-то?»
- «Не говори, что это от меня».
- «А как я скажу, чьи они?»
- «Скажи – твои».
- «Да я не могу так, батюшка».

Я отцу Александру сразу и сказал, что батюшка передал.

Юрий Павлович

Как-то говорит: «Пойдем, Палыч, на рынок сходим с тобой». Поехали. По рынку идем, смотрим, мальчик, который в храме прислуживает в алтаре, сидит грушами торгует. Ведро груш.

- «Ох, груши какие хорошие».
- «Да, батюшка, груши отличные».
- «Давай купим?».
- «Да, батюшка, покупаем ведро груш. Сколько стоит?» Взяли.
- «Ой, спасибо, молодец». А у нас своя груша стоит, такая же.

Марина

Когда мы в Жабыни работали, жили в доме у батюшки и спали в его комнате. Я все удивлялась, какая у него кровать – панцирная сетка провисала до пола. Говорю: «Давайте скинемся и купим отцу кровать» А Таня: «Ты что. Мы бы ему давно купили, он ничего не дает менять». И дома в Питере у него диванчик был, на нем невозможно было даже сидеть, не то, что спать, такой узенький.

Юрий Павлович

Батюшка хотел в Бычков лес сходить, вот мы втроем и пошли. По дороге рассказывал, как он ловил рыбку в Добычке, в Нугре. Идем, а время осеннее уже, конец сентября, стоят сухие стебли пижмы. Рассказал, что во время войны этим топили печки. Потому что дров не было, а пижма торчала из-под снега. Идешь – наберешь, они еще сырые, пока высохнут, и потом их только принесешь, в огонь, и всё – вода закипела и их уже нет. Снова надо идти собирать. «Здесь линия обороны была, здесь окопы были немецкие, вот с той стороны – наши шли». Говорит: «Давай, ляжем в окоп, посмотрим, какая перспектива была». Ложились с ним вдвоем в окоп, он почти целиком сохранился, только чуть-чуть брустверы размыло и дно затянуло, а так все сохранилось.

Юрий Павлович

Мы однажды ходили с батюшкой за грибами. Он послал всех в одну сторону, а мы с ним пошли в другую.

Они втроем пять грибов набрали, а мы вдвоем – полную корзинку. Батюшка идет: «Вон, там, видишь, стоит елочка». Через овраг надо, ему тяжело: «Посмотри, пойдешь». Иду, смотрю: «Есть», – говорю, – «батюшка». «– Все, хорошо, пошли дальше. Иди сюда». Потом отдохнем, посидим на пригорке, поговорим. «Ну, пошли дальше». А погода – тишина. Тепло. Птички поют.

Марина

Мне принесли батюшкину любимую рыбу – карасиков свежих. Я не суперповар. Думаю: «Как пожарить, чтоб они не пережарились, нормальные были». Пришел батюшка, сел напротив, положил на стол газетку, ждет, когда я поджарю рыбку. Говорит: «Вот газетка для костей...». Я не догадалась, что батюшка собрался отведать свежей жареной рыбки. У нас до этого жил священник молодой, он строго следил за тем, чтобы все вместе собирались за стол, вместе молились, потом ели. И я постеснялась предложить батюшке рыбки. А он так посидел, потом смотрит на меня и спрашивает: «У тебя-то с мальчишками проблемы есть?» Я говорю: «Да видимых нет». – «И не будет». Батюшка встал и ушел. Все собрались за стол только через два часа, рыбка была уже холодная, и я не знаю, ел ее батюшка или нет. Вот так. Я вспоминаю, стыдно.

Юрий Павлович

С Батюшкой очень легко было. Я думал, как это, мы будем целый месяц бок о бок жить с духовным отцом в Болхове. А с ним так легко, никаких проблем, только крылья за спиной вырастают.

Юрий Павлович

Помню, в саду у батюшки слива была, такая красивая желто-сиреневая, янтарная. Батюшка пошел, сам набрал сливы, и мы её потом вместе ели, все приходили, угощались. А перед самым отъездом, за два дня, пошли яблоки собирать, антоновка такая огромная. Он сам по лесенке поднимался и яблоки собирал. Мы вынуждены были уехать срочно, рано утром, а он говорит: «Заходите обязательно, я вас в дорогу благословлю». Я вхожу в 4 утра в его комнатку, а он говорит: «Заходи, я не сплю. Пойдем, я вас провожу» Выходит. А в беседе сложены яблоки. Багажник открывает: «На, вот, это возьми, это бери» Я говорю: «Ну, батюшка...» – «Приедешь домой – как найдешь». Забил полностью багажник. «Ну, все. Давайте помолимся. С Богом ежайте» И поцеловал нас.

Оптинский дух отца Василия

Людмила Александровна Ильюнина

Я не была духовным чадом отца Василия, но встречи с ним принесли много утешения и вразумления. Встречалась я с отцом Василием «по долгу службы» – как журналист, не один раз записывала с ним интервью на различные темы для газеты «Православный Санкт-Петербург», потом для журнала «Православный летописец Санкт-Петербурга» (в котором я – главный редактор) дерзнула написать большую статью-исследование «о стиле отца Василия». Но во всех этих публикациях говорилось о вещах внешних. А теперь попробую сказать о внутреннем.

Дело в том, что в юности меня воспитывали бабушки, которые лично знали последних оптинских старцев. Они много мне рассказывали о старцах, давали читать книги оптинских писем, изданные до революции, чудом у них сохранившиеся; много у них было и рукописных материалов – все то, что сейчас издано различными издательствами, а тогда было недоступно «широкому кругу читателей». То есть от юности мне прививали «оптинский дух». И вот, когда я впервые увидела отца Василия, а потом еще не раз с ним встречалась и разговаривала по телефону, то, как пушкинская Татьяна повторяла в душе: «Вот – он!»

То есть в нем я увидела и почувствовала тот оптинский дух, о котором я знала по рассказам моих бабушек и из книг и рукописей. Попробую сформулировать, в чем выражался этот оптинский дух. Во-первых, в жизнерадостности, веселости даже. Во-вторых, в простоте и особой близости к народу. В-третьих, в том, что жизнь не по учебникам разбиралась, а из опыта. В-четвертых, в манере говорить – коротко, образно, а порой и загадочно, а так же и в манере взглянуть «острым глазком» и насквозь все увидеть; в манере – толкнуть, пихнуть, облокотиться, за шарф потянуть, по голове постучать – в общем, в юродствовании; в-пятых, в отсутствии нажима на человека, в признании неповторимости каждой личности и судьбы, в шестых, в переживании не об отдельном человеке только, но и обо всей России-матушке. Можно еще прибавить и «в-седьмых» и «в-десятых», и «в-двадцатых» но, конечно, до конца не получится выразить, что такое «оптинский дух отца Василия». Можно просто сказать: он был одним из них – тех старцев, которые подвизались в Оптиной пустыни сто и более лет назад, и он нам передал эту преемственность, он дал нам не по книжкам к ней приобщиться, но сердцем, опытно.

Потом я узнала, что отец Василий родом из тех мест, откуда до Оптиной рукой подать. А когда сама попала в Болхов, то убедилась, что весь город еще хранит дух той старой России, частью которой была Оптина.

Один раз я неожиданно встретила отца Василия в «новой Оптиной», куда очень часто ездила после возрождения монастыря. Оказалось, что батюшка каждый год, посещая свою родину, обязательно заезжает в Оптину пустынь.

Батюшка стоял тогда на богослужении, как простой молитвенник, облачен был в мирскую одежду, но почему-то именно в такой ситуации особенно чувствовалась его духовная мощь. Священническое облачение и предстояние в алтаре возвышает всякого человека, а отец Василий в простом гражданском костюме, стоя на молитве во Введенском соборе Оптиной, производил впечатление старца, недаром монашествующие монастыря обращались к нему за советом и относились к нему, как к «живому класснику старческого служения», как кто-то из них пошутил.

Теперь расскажу историю, которая подтверждает все сказанное выше. Однажды я получила письмо из Оптиной Пустыни от незнакомого мне монаха с просьбой съездить к отцу Василию и задать ему вопрос относительно возобновления иноческой жизни в одном из монастырей близ Болхова, а мне предлагалось, если батюшка благословит, через православные СМИ кинуть клич о помощи возрождающемуся монастырю. Признаюсь, я была смущена, потому что включаться в неизвестное дело с неизвестными людьми не была приучена духовником, но к отцу Василию с письмом все-таки поехала.

Я была уверена, что батюшка обрадуется тому, что на его родине хотят восстанавливать монастырь, и благословит оптинского монаха подключиться к этому благому делу. Но в ответ неожиданно услышала: «Напиши ему, пусть пока не суется, а посмотрит, как там все выйдет». Так я и написала и скоро об этой истории забыла.

Год назад на праздник памяти преподобных старцев оптинских я попала в Оптину пустынь (после большого перерыва). По-

сле литургии мы с моей подругой – чадом отца Василия отправились пить чай в гостеприимный дом оптинских иконописцев, и там нам встретился незнакомый мне монах, который, однако, обратился ко мне с восклицанием: «Людмила, как я рад вас видеть, ведь через вас я получил такой важный совет от отца Василия Ермакова!» Оказалось, что это был тот самый монах, который написал мне письмо с просьбой съездить за советом к отцу Василию. Потом он рассказал, что вокруг монастыря в то время было очень много ненужных искушений – «разборок» между местными – и только когда они прекратились, отец Валериан (так зовут этого монаха) смог принять участие в восстановлении древней обители преподобного Кукуши. И тогда, как и теперь, признался отец Валериан, он постоянно чувствует помощь отца Василия. В монастыре каждый день на литургии поминуют батюшку, и уверены, что он заботится о родной обители.

Отец Валериан за чаем рассказал еще одну «оптинскую историю» про отца Василия. Однажды после службы в Казанском храме он был свидетелем краткого разговора батюшки Василия с незнакомым мужчиной.

Мужчина стоял у канона, и весь его вид являл крайнее отчаяние. Отец Василий решительно подошел к нему, взял за плечи и твердым голосом сказал: «Хватит казнить себя, тебя же уже свои расстреляли!» Сказав эти слова, батюшка вышел из храма. А мужчина стоял потрясенный, потом лицо его стало проясняться, он стал оглядываться по сторонам, явно желая с кем-то разделить свое потрясение и радость. Рядом оказался отец Валериан, и он рассказал ему следующее: «Меня дей-

ствительно расстреляли свои. Я был офицером во время афганской войны и часто отдавал своим бойцам очень жестокие приказы, за что они меня возненавидели и однажды действительно направили на меня оружие, приговорив к расстрелу. Но я после этого выжил, а многие из них погибли. И меня до сих пор мучает совесть, я казнь себя за все, что по моей вине происходило там, в Афгане. Как он-то все узнал? Как он все увидел?». Но после этих признаний мужчина вдруг стал улыбаться и в недоумении признался: «Но после слов этого человека со мной что-то произошло, как будто плиту отвалили с души, дышать стало легче. Будто Бог меня простил. А кто этот человек, вы не знаете?» – «Это отец Василий Ермаков, современный старец, такой, как наши оптинские», – ответил отец Валериан пораженному «узнику совести».

За чаепитием мы продолжали говорить об «оптинском духе отца Василия», и монах Валериан сказал тогда важные слова: «Отец Василий собирал народ, он именно соборностью дорожил».

Могу свидетельствовать, что батюшка действительно многих людей соединил, объединил и объединяет уже и после своей кончины. И я лично ему именно за это единение благодарна, по его молитвам и благословию изменилась моя личная жизнь. А еще благодарю за то, что чрез год после ухода батюшки меня попросили редактировать второй том его проповедей, это было незабываемое реальное общение с отцом Василием. Читая его проповеди, я опять вспоминала каждую мелочь наших разговоров и поняла, что отношение к батюшке можно выразить двумя словами – родной человек. Думаю, что так чувствуют многие.

В основе всего – любовь

Раба Божия Антонина

Однажды на работе в обеденный перерыв мы с девочками разговаривали. Я им рассказала историю о Серафимушке Саровском, как мальчик Прохор с высокой колокольни упал и жив остался. Они все выслушали и удивлялись. Тамарочка говорит: «А ты знаешь, приезжает батюшка из Санкт-Петербурга, он болховский. Такие проповеди говорит! Ты обязательно постарайся сходить, во Введенском храме он бывает, и в Рождестве».

Я помолилась: «Господи, помоги мне, так хочется с этим батюшкой встретиться».

В 1995-ом году не стало папы моего, и мы пошли на девятый день служить панихидочку во Введенский храм. И вот, к моему удивлению, батюшка Василий как раз там служил. Это была просто милость Божия. Мы потеряли папу, и нашли духовного отца, Василия Ермакова. Мой папа был даже внешне похож на батюшку Василия. Это было радость, конечно. Мы выслушали проповедь, все в душу запало. Потом батюшка еще приезжал, служил в Рождественском храме на Тихвинскую икону Божией Матушки.

Однажды я шла с работы и встретила батюшку на Ленинской, он прогуливался с двумя мальчиками. Был еще там Вадим Голодных, который собирал большой материал о Макарии Алтайском. Мы долго стояли и разговаривали

у храма святителя Николая, который был разрушен. Батюшка и об этом рассказывал. Посмотрел и на собор полуразрушенный и говорит: «А собор-то восстановится». Мы думаем: «Как это может произойти?» Не верилось тогда.

А потом уже мы его лучше узнали, он стал нам очень дорог. Он уже на сердце был, ждали его приезда каждый год. Он приезжал в храм Рождества, мы приходили на службы. Всё было очень торжественно. Однажды, после службы в Рождественском храме, батюшка пришел к нам на работу. Все очень обрадовались: «Ой, ско-

рей надо батюшку покормить». Он побеседовал с каждым. Мы задавали вопросы. Одна сотрудница спрашивает: «Батюшка, как же мне быть? Дом-то мой уходит под землю. Трещины и земля трескается. Всё, нельзя жить. Комис-

сия признала аварийным. Что же мне делать?» плачет она. Александра Васильевна ее звали. А батюшка говорит: «Не плачь. Будет у тебя дом. Всё у тебя будет хорошо. Дом ещё лучше будет, чем этот». Она говорит: «Батюшка, да

как же я одна? Как же я построю, как куплю? Муж умер, двое детей». Батюшка: «Не плачь, ты, Шура, – двуужильная, всё у тебя получится». Прямо так, мы все запомнили. И, действительно, через какое-то время Шура купила дом, хороший дом с пристройкой.

Это было в 2000 году, тогда у нас в Болхове происходили разные знамения. «Знамения к тому, что что-то духовное изменится, что-то произойдет» – сказал нам отец Василий. И случились удивительные события. Были прославлены пять наших святых: Макарий Алтайский, Георгий Косов, и трое Панковых – отец Иоанн и сыновья Николай и Петр. Открылся монастырь. И собор открылся. Батюшка знал, мудрый был.

Когда обретали мощи отца Георгия, по дороге на Чекряк прямо ураган, смерч прошел. Были срублены все макушки деревьев. Мощи искали четыре дня. Техника ломалась, краны ломались, экскаваторы ломались. Уже рабочие отказывались: «Нет мощей, их вывезли». Позвонили отцу Василию в Санкт-Петербург. Батюшка сказал: «Ищите, мощи там». Дальше начали работать и мощи обрели. На девятый день, в праздник Георгия Победоносца открылся батюшка Георгий, когда уже народа поменьше было.

Отец Василий очень любил отца Георгия Косова, каждый год он приезжал в Спас-Чекряк. Тогда еще ездил своим ходом. На поезде. Рюкзачок за спину. Попутным транспортом. Любил он это место, нам всем говорил: «Езжайте туда. Водичку набирайте». Заботился он о внучке отца Георгия: «Евгению Николаевну, надо привести к Богу». Она много рассказывала об отце Георгии. Ей было 12 лет, когда батюшки не стало. Она рассказывала, как хоронили батюшку, как деточки плакали, сироточки, и нельзя было подойти к гробику, их передавали по головам, по рукам, чтобы приложиться, проститься с батюшкой. Столько народу было.

Приезжали из Орла, много духовенства было. Почитали отца Георгия. Так Господь управил, что мне довелось за ней ухаживать, она уже была немощная. Евгения Николаевна пришла к Богу. Из храма ходили исповедовать ее, причащать, соборовать, на день рождения ее 17 февраля собирались. Потом батюшке рассказывали про неё. А батюшка сказал: «Самое главное, что привели ее к Богу».

Мне батюшка говорил: «Ходи в собор. Молись тихонько, будь пока в лавке», а я говорю: «Батюшка, у меня такая-то ситуация». Он говорит: «Нет, будь пока в лавке». Потом в собор перешла на работу, так Господь управил. Батюшка наставлял нас, чтобы мы крепко верили, молились Богу, знали Бога, доверяли Ему.

Однажды закончилась литургия Божественная, был праздник Преображения Господня. Служили в соборе. Батюшка выходит из алтаря, проповедь говорит, много народу было: «Вы все спешите на рынок, а надо в храм. Почему плохо живем? Почему с деточками проблема? Потому что мы забыли Бога. А позабудешь Бога – потеряешь стыд». Батюшка предупреждал, что времена сейчас сложные. Мы говорили: «Батюшка, сейчас деньги есть, всё легко, всё доступно». А батюшка отвечал: «Духовное, духовное. Жизнь трудная, еще будет сложнее». Он предупреждал: «Берегите детей. Не пускайте, куда не надо, берегите от дискотек всевозможных. Много недобрых людей, хотя детей загубить, испортить, а вы смотрите внимательно. Берегите. Если будут Бога знать – всё будет благополучно. Матери, молитесь за детей».

Однажды в конце службы батюшка зашел в собор. Поднимается на амвон. У всех радость: «Всё, батюшка появился». Осень была, в сером плащике батюшка был. Тогда приехали паломники орловские, все с радостью слушали

батюшку. Он говорил, чтобы дети не обижали родителей, чтобы старички не ходили в дом старчества, а жили в доме своем. «Не сдавайтесь, молитесь Богу терпеливо и детей наставляйте на правильный путь. Не идите в дом старчества. Не надо этого делать». После проповеди эти люди открывают записочки и говорят: «Мне батюшка на все вопросы ответил». А второй: «И мне на все вопросы ответил». Так было постоянно. Думаешь, у батюшки это обязательно спрошу и это. А подходишь благословение брать: «Господи, а у меня всё и разрешено. И не надо мне никаких вопросов задавать».

Благодатный такой отец Василий был, потому что он – носитель Духа Святого. Каждый, кто с ним соприкоснулся, почувствовал эту любовь, и это не забыть до конца дней. Батюшка – есть Батюшка. Таких ищут и не могут найти. И сейчас люди приходят в храм и спрашивают: «А есть ли у вас о батюшке какая литература или диски, чтобы почитать, чтобы услышать, получше его узнать?» «Мы в интернете нашли, прочитали. Мы его при жизни не знали, но он нам дорог по душе. Мы его полюбили всем сердцем. И едем на его родину, в Болхов, чтобы поближе узнать батюшку». Я им и рассказываю: «На улице Архангельской – батюшкин домик, а на кладбище пройдете – там есть захоронение – священник отец Николай Косов (сын отца Георгия) похоронен, его семья, а налево пойдете, там и родственники батюшки похоронены. И крест батюшкин из Петербурга с могилы стоит. К нему приложитесь. Они приезжают обратно и благодарят: «Как мы благодарны, какую мы благодать здесь получили». Из Москвы, из Питера, из Саратова люди ездят, со всей России. «И в Спас-Чекряк заехали, и к преподобному Кукше, и в Оптин монастырь к преподобному Макарию Глухареву. Слава Тебе, Господи!»

Батюшка учил любить Россию. «Мы – русские люди, Богом званные, этим дорожите». Батюшка очень любил свою Родину, малую Родину, свой град Болхов. Говорил, что Болхов воссияет. И правда, у нас сейчас собор кафедральный, Орловско-Болховская епархия – это просто чудеса, это исторические события. Батюшка молился за Болхов и знал, что так будет. Дорог нам родной батюшка, очень дорог.

Еще такой случай был. После службы Преображения Господня Батюшка вышел из алтаря, все его ждут, он подходит ко мне, дает календарики и альбом, красивый такой с фотографиями и говорит: «Это Клавочке передашь (моей начальнице), а это себе возьмешь. Ну, теперь садись на скамеечку рядом со мной». Где мощи батюшки Георгия, мы сели на скамеечку. Тут народ пошел к батюшке: «Благословите. Батюшка, а как мне быть – зять заболел. Везти в Иерусалим или не везти?» Батюшка говорит: «Зять – нечего взять». Потом подходит женщина: «Батюшка, у меня с дочкой проблема, дочка загуляла, все в расстройстве, не знаем, что делать. Батюшка, и домой не приходит, и ребенка бросает. Что делать?» Батюшка: «Привезите ее ко мне». Следующий подходит: «Батюшка, а мне на операцию. Как быть?» Батюшка перекрестил, посмотрел на нее, голову книзу: «Нет, мать, не делай. Сколько лет-то тебе? Не делай. Подожди, мать. Подожди».

Отходит она, потом подходит бабушка такая: «Батюшка, внук заикается. Что делать?» Батюшка дает просфорочку: «Вот, отдай ему просфорочку, всё хорошо будет». Идет народ: «Батюшка, благословите, батюшка, простите». С мальчиком женщина: «Батюшка, учеба не дается». Положил руку на головку: «Всё будет хорошо. Молись, да покрепче молись. Родители чтоб в храм ходили». Перекрестил ребеночка. И так очередь продолжалась, люди шли и шли. Думаю: «Что вот я-то сижу рядом с батюшкой?» А видно так нужно было, чтоб мне потом рассказать об этом. Один Господь знает, как и что. Он меня так рядышком и посадил.

Народ батюшку помнит, любит батюшку. А как мы его ждали, когда приезжал. Знаете, какая радость была, все чуть не на крыльщиках. Батюшка приедет, и еще 10 дней мы в радости находились. Потом уже всё – начинали опечаливаться. Носитель Духа Святого – это точно, потому что, где благодать коснется, то всегда радость. Божия радость. Это не передать – это чувствовать надо. Такая любовь от него исходила! Ищут таких люди. Ищут, а нет такого больше, но надо крепиться, выполнять батюшкины заветы. А в основе всего любовь, конечно, крепкая должна быть. Как бы трудно не было, терпите, крепитесь и веруйте, как батюшка. Такой пример жизненный, богатый дал нам наш дорогой отец. Слава Богу за всё.

ДУХОВНАЯ НИТОЧКА

Игуменья Евфалия, настоятельница Троицкого Оптиного монастыря в г. Болхове

Отец Василий Ермаков крепко связал наш город Болхов и Петербург. Батюшка про Троицкий Оптин монастырь говорил: «Мой монастырек». Мы сначала недоумевали, а потом поняли, что за этим стоит детская любовь, когда он все эти наши стежки-дорожки исходил, когда он, может быть единственный, молился с немногочисленными церковными людьми болховскими, потому что на много лет здесь воцарилась мерзость запустения. Отец Василий страдал, что святые так пограны. Единственный храм, который здесь действовал, он начинал молиться в нем еще мальчиком в далекие военные годы, это бывший девичий монастырь Рождества Христова. Батюшка всех своих чад многочисленных, паломников приохотил ездить в Болхов. Они сюда приезжали сначала на машинах, поездом, потом целыми автобусами. По-

том здесь создали паломнический центр «Болховская старина», гостиницу, и Болхов потихоньку его молитвами и трудами начал расцветать.

И я в этот центр к отцу Василию пришла, искала его. Я его лично не знала, но о нем так много говорили, что, когда меня назначили сюда, в Болхов, я, естественно, узнав, что батюшка приехал, сразу и прибежала с чертежами, планами, с архиерейским благословением. Он выслушал меня, сначала хмурился, потом улыбнулся. Я говорю: «Батюшка, благословите» и стала ему рассказывать какие планы, какие намерения, с чего думала начинать. Вывалила ему на колени массу фотографий, где еще разрушенный город, церкви оскверненные. Потом эти все фотографии вошли в книгу Болховский альбом «Под небом голубым». Она посвящена отцу Василию Ермакову за его святые молитвы.

А тогда он выслушал и сказал: «Бог благословит».

Теперь Болховичи часто бывают в Питере, питерцы бывают у нас. И вот сегодня мы служили панихиду и литию на могиле человека, которого весь Болхов принял и полюбил. Хоть болховичи такой народ сложный, приезжим не очень доверяют, но Вячеслав Борисович Воробьев получил такое всеобщее расположение. Он здесь укоренился, купил дом, воспитывал двоих детей. Помогал всем: училищу, школам, инвалидам, детям, просто частным персонам и много утешал. И всегда, следуя заповедям отца Василия Ермакова, он нес его дух. И мы думали, что со смертью Вячеслава Борисовича эта ниточка утратилась. А нет, питерцы батюшкины доказали, показали, что дух, он живой, и, даст Бог, мы на многие годы вот эту дружбу духовную с Петербургом сохраним.

